

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *С. Груздева*

Барсова, Екатерина.

Б26 Итальянская любовь Максима Горького : [роман] / Екатерина Барсова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Великие тайны прошлого.).

ISBN 978-5-04-093816-2

Вера Шевардина считала, что жизнь не удалась. Мать, непризнанная актриса, ее третирует, муж бросил с ребенком на руках, с работой не везет. И только попытка Веры разобраться в собственной родословной дарит надежду, что все изменится — на генеалогическом древе обнаруживается ветвь знаменитой итальянской фамилии Орбини. Вера узнает, что ее прабабушка была знакома с Максимом Горьким, а семейная тайна связана с итальянским периодом жизни писателя. И Вера решает поехать в Италию, чтобы познакомиться с предполагаемыми родственниками, не подозревая, что итальянской жизнью знаменитого пролетарского писателя интересуется слишком много людей и некоторым из них Вера Шевардина очень мешает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093816-2

© Барсова Е., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА 1

ШКАТУЛКА С СЕМЕЙНЫМИ СЕКРЕТАМИ

Пока мы откладываем жизнь на завтра, она проходит. Ничто не принадлежит нам в такой степени, как время; оно только — наше.

Андре Моруа, французский писатель

МОСКВА. НАШИ ДНИ

— **М**ама!

Ветер прошелестел по комнатам и вернулся тяжелой волной пряных духов.

О приближении матери обычно возвещали раскатистые рулады оперных арий, аромат духов, забывающий все другие запахи, и шаги. Чеканные, строгие, как у пушкинского командора. Мать и была таким командором: безжалостным и беспощадным.

Вера вдохнула и спрятала руки за спину.

— Ну что такое? — Мать выросла на пороге комнаты, окидывая ее критическим взглядом. Халат с павлинами резал глаза яркой расцветкой, но по-другому мать одеваться не умела и не хотела. Она и сама была яркой, бравурной, шумной. Как брызги шампанского. Как ее любимейшее танго под таким же названием. Эта мелодия была связана с одним давним любовным приключением, случившимся бог знает сколько лет назад.

Он был молодой подающий надежды режиссер, правда, имени его мать не называла. Это было уже

после того, как их бросил отец. И этот режиссер, конечно же, был в нее без памяти, до умопомрачения влюблен. И все было замечательно: Черное море, волны, закатные вечера, темные ночи, ласки под шорох волн, поцелуи и любовные клятвы. И то самое танго: «Брызги шампанского».

А потом... Мать в этом месте театрально прикладывала руку к сердцу и издавала протяжный вздох. Взял и женился.

Режиссер уехал за границу и не вернулся. Поехал в составе советской делегации в Венгрию, там познакомился с венгеркой и остался. Поскольку он не был звездой первой величины, то скандал раздуть не стали, а просто вычеркнули его имя из святцев советского кино. Слово и не было такого человека. Был, а теперь нет.

— И остался он только в моем сердце, — вздыхала мать.

— Да-да, — поддакивала Вера, ощущая уже знакомое жжение в висках и посасывание под ложечкой. — Да-да, мама, все это очень печально.

Мать обожала вот такие душеспитательные истории, где Вере отводилась роль благодарной слушательницы, безмолвного фона для разворачивания театральных мизансцен.

— Печально! — фыркала мать. — Что ты в этом понимаешь!

Здесь Вера чувствовала, как ее бьют по больному месту. Конечно, в любви она мало что понимает. Чем она может похвастаться в жизни или, как выражается ее подруга Света Закоманская, — «что предъявить миру»?

Света была отдушиной в жизни Веры. Во-первых, у них со Светой совершенно разные характеры,

и этот факт отраден. Во-вторых, Света подобно солнечному лучу — в прямом и переносном смысле. Света всегда чем-то увлекалась. Последнее ее увлечение было связано с буддизмом, учением Ошо, Ананды Рай, Кришнамурти и прочих светочей нирваны. И в соответствии с буддистскими доктринами она одевалась во все яркое, кричащее, режущее глаз.

— Будем подобно солнцу, — говорила она.

— Это не оригинально, — парировала Вера, — знаменитый поэт Серебряного века Бальмонт говорил то же самое: «Будем как солнце!».

Основным доминирующим цветом в одежде подружки был ярко-желтый. И поэтому еще издавка Вера видела желтый факел, стремительно придвигающийся к ней.

Света утешала Веру и говорила, что все мужики, естественно, козлы, если только они не практикуют.. йогу.. А поскольку таких немного, то ничем выдающимся мужской пол похвастаться не может по определению. И с этим придется смириться. Вера молчала, собственно говоря, возразить ей было нечего...

Вера сразу вспоминала свой скоропалительный брак, быстрое охлаждение со стороны мужа, и такое же быстрое его увлечение аспиранткой Мариной, и последующий развод... На все про все ушло полтора года. Вера осталась с вечно болеющим Пашкой на руках и разбитым сердцем, как уверяла ее мать, которая считала, что после развода сердце должно быть непременно разбито. В ответ на это Вера молчала, она не чувствовала себя несчастной или разбитой. Было отупение и усталость. Но и это вскоре прошло. Напротив, Вера испытала чувство облегчения и досады — ну как она не разглядела Валерку раньше? Как позволила себе поверить этому ничтожеству?

Мать говорила, что Валера всего-навсего охотился за ее метрами жилплощади. Трехкомнатная квартира в центре Москвы того стоит. А Валера живет вместе с замужней сестрой и матерью. Оттого и польстился на нее, Веру.

Мать всегда была по-больному. Наверное, по-другому она не могла. Ей нужно было поставить Веру на место, уязвить, чтобы дочь не воображала о себе бог знает что...

Все это промелькнуло в голове Веры, когда мать выросла на пороге ее комнаты.

— И что это у тебя в руках? — спросила мать, окидывая ее привычным критически равнодушным взглядом.

— Ты не представляешь!

— Почему же? — с легким оттенком презрения сказала мать. — Представляю. Какое-нибудь письмо о повышении налогов или о долге по квартплате...

И все в матери — от волос, крашенных в сложный медно-рыжий цвет, до тонкой ниточки бровей и уголков губ, опущенных вниз, — выражало презрение лично к Вере.

— Ничуть! — торжествуя перебила ее Вера. — И не догадаешься.

С минуту-другую мать смотрела на нее, сверля глазами, а затем махнула рукой.

— Выкладывай!

— Может быть, кофе сначала попьем? Из чашек мейсенского фарфора?

— А что, есть повод?

Кофейный сервиз из тонкого фарфора ставили на стол по особо торжественным случаям.

— Есть! — ответила Вера. — И еще какой!

Ей хотелось объявить о своем открытии в торжественной обстановке, как-то смягчить мать, увидеть улыбку на ее лице. Вдруг она станет относиться к Вере с большим вниманием и заботой?

— Ну тогда — накрывай! Впрочем, тебе доверить сервировку стола я не могу. Так что посиди пока, а я все сделаю.

Через двадцать минут стол был сервирован по всем правилам. Дымился кофейник, стояли чашки. Аромат кофе разносился по всей квартире. Мать признавала только настоящий бразильский кофе тонкого помола.

— Ну, теперь говори. Рассказывай, что там стряслось?

Мать пила кофе из чашки мейсенского фарфора, манерно оттопырив мизинец.

— Помнишь, я тебе говорила, что отправляла письмо с запросом о нашей родне?

— Честно — нет. Не помню. А было дело?

— Но как же! Ты всю плешь мне проела, что мы — из старинного дворянского рода. У нас род с богатой историей. Нужно только поднять архивы и все хорошенько разузнать.

Мать смотрела на нее внимательно.

— И что ты сделала?

— Я отправила письмо с запросом в генеалогическое общество, чтобы нашли наши корни. И выяснилось, что мы из старинного итальянского рода Орбини. Это по линии нашей бабушки Дарьи Андреевны. Ты сама говорила, что в ней смешение кровей, что она откуда-то из Литвы, работала переводчицей, на радио... Представляешь? — Вера почувствовала, что ее щеки покраснелись.

Мать откинулась на спинку стула.

- И когда ты это выяснила?
- Вчера. А сегодня решила сказать.
Мать молчала.
- И что ты будешь с этим делать?
- Ничего, — сникла Вера. — Ты же сама все время говорила, что хорошо бы знать родню, что сейчас живет поколение без роду и без племени... Разве не так?
- Так.
- Ты говоришь, словно и не рада, — обиделась Вера. — А я так старалась...
- Спасибо за хлопоты, — с едкой иронией сказала мать. — Думаю, что тебя хорошенько надули. Интересно: сколько ты заплатила за эту подделку. Разводилку для лохов. Какой еще итальянский древний род?! Ты что, матушка, рехнулась? И если честно, то я говорила это просто так. Одна моя бывшая коллега теперь состоит в Дворянском собрании. Вот и я тоже захотела...
- Вот так всегда. Одним щелчком мать умеет показать Верину несостоятельность, то, что она — ничемный человек и никудышная женщина.
- На глазах выступили слезы.
- Ладно, я пошла...
- У тебя сегодня уроки?
- Да, — солгала Вера. — Урок. Надо собираться.

Частное репетиторство — преподавание английского и итальянского языков Вере давно уже осточертело, но приходилось смиряться, так как это был единственный вид деятельности, который приносил доход. Ее основная специальность — филология, специалист в области романских языков — не кормила. Статьи, которые Вера поначалу писала в одном интернет-журнале, не кормили, платили с задержками и очень мало,

она пробовала заняться переводами, но и там не пошло. То не платили, то отказывались от ее услуг в самый последний момент. Словом, старое доброе репетиторство было на первых порах чем-то вроде палочки-выручалочки. А потом — полноценной работой. И хлебом насущным. Ученики были разными, но в целом — Вере везло, и особо жаловаться она не могла.

Сейчас она соврала матери по поводу уроков, потому что дома находиться совершенно не хотелось. Сын был в летнем лагере, и она решила поехать к закадычной подруге. Светлане.

Когда Вера пожаловалась, что мать ее гнобит, Светка принялась ее утешать:

— Да плюнь на нее! Старая гримза просто бесится. Понимает, что ее время уже ушло. Как же, актриса, которую никуда не зовут и о которой все забыли! И потому не знает, как на тебе свое раздражение выместить.

Вера молчала. Что тут сказать? Но в глубине души мать было жаль, потому что Вера понимала: мать переживает трагедию безвозвратно ушедшей жизни, которая уже никогда не вернется. Наверное, это требует от человека особого мужества, терпения и смирения — жить так, как будто бы впереди еще много дней...

Вера шмыгнула носом.

— Брось! — сказала Света. — Хочешь мы сейчас оторвемся?

— Хочу, — прошептала Вера.

Они пили индийский чай со специями, приготовленный по особому старинному рецепту, и Вера ощущала, как ее тело наливается легкостью, напряжение уходит. Голова становится пустой, в ней что-то легко звенит — как колокольчики на лугу...

— Как тебе? — спрашивала Светлана.

Кухня у Светы маленькая: всего три метра, вся заставлена какими-то баночками, яркими кувшинчиками, повсюду связки сухих трав.

— Это все жутко полезно и поднимает настроение, — объясняла Светлана.

— Понимаю, — откликнулась Вера. — Понимаю...

У нее на языке вертелась тайна, которой страшно хотелось поделиться с подругой.

— И это еще не все... — сказала она. И замолчала.

Света полулежала на топчане в углу и пила чай. Вера сидела на низкой табуретке, почти упираясь коленками в топчан.

— А ну-ка выкладывай! — сказала Светлана, повысив голос. — Ишь ты, развела тайны от подруги...

В сбивчивом объяснении Веры это выглядело так: они, Шевардины, происходят из древнего итальянского рода Орбини, о котором еще до недавнего времени никто из их семьи не знал. Но факт есть факт. Расследование проведено крупнейшим историко-генеалогическим центром «Фамильное древо», и там же Вере выдали бумагу, где черным по белому все это и написано. И теперь Вера не знает, что делать к полученной информацией. Мать отнеслась к этому сообщению с недоверием. Обвинив Веру в том, что она выбросила деньги на ветер и стала жертвой изощренного обмана. Попросту говоря, лохом. Но Вера ни на секунду не сомневается в добросовестности научных сотрудников, работающих в центре, но все же какой-то червячок сомнения гложет ее.

— А вдруг все не так, как это выглядит на бумаге? — И для большей убедительности Вера помахала выданным свидетельством.

— Нифигассе! — заметила Светлана, потягивая мате через трубочку. — Сколько печатей понастави-ли, и бумага гербовая...

— Ну и что? — воскликнула Вера. — Я привыкла никому не доверять.

— Чего ты боишься? Сформулируй страхи. Так будет легче решать проблему.

Последнее место, где Света училась, был психологический консультативный центр под названием: «Помоги себе сам и протяни руку поддержки другому».

— Как я их сформулирую? У меня одни догадки, четких доказательств нет.

— Хорошо, я сделаю это за тебя. — Светлана свесила ноги с топчана и поставила тыковку с матэ.

— Ты боишься, что никакой итальянской родни нет. Это — раз...

Вера энергично кивнула.

— Что если даже все совпадает: имя, фамилия и так далее, эта женщина не состоит с вами ни в каких родственных отношениях... Это — два. Тебя надули на крупную сумму денег, это — три...

— Третье меня меньше всего волнует.

— Четвертое: тебе влетит нагоняй от матери, если она узнает про твои напрасные хлопоты и потерю денег. И ты этого боишься.

Тебе надо перестать мучиться комплексом вечной жертвы и шире смотреть на жизнь, а твое девиантное поведение не оставляет тебе никакой свободы выбора.

— Светка! — вскричала Вера. — Кончай нести эту бодягу! Проблема серьезная. Ты это понимаешь или нет?

— Хорошо, что предлагаешь лично ты? Какие-то варианты у тебя есть?

Вера задумалась.

- Наверное, нужно проверить эту информацию.
- Каким способом?
- Надо подумать. Решение проблемы может прийти внезапно.

Домой Вера пришла немного успокоившись. Светлана хоть и суматошная особа, но умеет найти слова, которые приводят в чувство.

* * *

ИТАЛИЯ. ОКРЕСТНОСТИ ФЛОРЕНЦИИ. НАШИ ДНИ

— Ба! — Даниэла вбежала на прохладную террасу и замерла.

Бабушка дремала в кресле, на столике стояла чашка с недопитым кофе, а рядом лежало письмо...

— Ба, — сказала Даниэла тише и подошла к дремавшей старушке уже на цыпочках.

Она любила свою бабулю и не собиралась нарушать ее покой, раз та уснула. Послеобеденный сон очень полезен особенно для людей в возрасте. А бабушке уже за восемьдесят. И Даниэле хочется, чтобы бабушка жила долго. Строго говоря — это была ее прабабушка, бабушка умерла пять лет назад, но Даниэла всегда называла Мари-Роз — тоже бабушкой.

В их роду были долгожители. Дедушка Андреа дожил до девяносто четырех лет, а его сестра до девяносто семи.

Даниэла скользнула взглядом по письму. Незнакомый почерк. Она задумалась. Вернуться обратно в го-

стиную и, устроившись на диване, скоротать время за просмотром фейсбушной ленты друзей? Или...

Брови взлетели вверх, нахмуренное выражение лица сменилось другим — заинтригованным. Даниэла осторожно взяла письмо со стола...

«Бабушка не будет сердиться, я просто посмотрю его, и все».

Даниэла устроилась с письмом в гостиной. Ветер с улицы залетал в окно, надувая занавески. Воздух был горячим, но включать кондиционеры не хотелось. Она как истинная южанка любила тепло, ее кожа жадно впитывала в себя горячий воздух. Даниэла забралась с ногами на диван и принялась читать.

Интерес сменился недоумением. Письмо было длинным, она боялась, что бабушка в любой момент проснется, что она не успеет дочитать. Даниэла быстро сфотографировала письмо на мобильный и продолжила чтение.

Интересно, что это за письмо?

Бабушка никогда раньше не говорила о людях, которые в нем упомянуты. Неужели у Мари-Роз в ее-то возрасте появились тайны? Даниэла улыбнулась.

Бабушка и тайны... Милая бабуля, нужно почаще приезжать к ней, не забывать.

По мере чтения Даниэла все больше и больше удивлялась, пока не осознала, что она ничего не понимает.

Здравствуй, Мария!

Я пишу тебе в надежде, что ты все-таки прочитаешь мои письма. Ведь в них история нашей семьи, точнее — часть истории, та, которая касается непосредственно тебя. Я не буду открывать тебе чужих